

А Д В О К А Т С К А Я   П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 75

30 марта 2023 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев с участием заявителя – адвоката Ки. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката Ки. от 24 января 2023 года (вх. № ... от 24.01.2023) в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с заключением Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы от 01 марта 2023 года адвокат К. ненадлежаще, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем Г. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), что выразилось в принятии им 16 и 17 мая 2022 года участия в качестве защитника по назначению по уголовному делу № ... в условиях неистечения 24-х часового срока с момента фактического задержания Г., произведенного в порядке, установленном УПК РФ, при проведении следующих следственных и иных процессуальных действий: в допросе Г. в качестве подозреваемого в период времени с 22.30 час. по 23.15 час. 16 мая 2022 года; в предъявлении Г. обвинения и его допросе в качестве обвиняемого в период времени с 23.40 час. 16 мая 2022 года до 00.20 час. 17 мая 2022 года.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К., надлежащим образом уведомленный о дне, времени и месте рассмотрения настоящего дисциплинарного производства, в заседание Совета не явился, участие представителя не обеспечил, представил письменные возражения от 27 марта 2023 года (вх. № ... от 27.03.2023) на заключение Квалификационной комиссии, в которых также просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие в связи с ранее назначенными судебными заседаниями.

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие адвоката К., поскольку он своевременно получил заключение Квалификационной комиссии от 01 марта 2023 года, ознакомился с ним, давал объяснения, представлял доказательства, принес возражения, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Заявитель – адвокат К. в заседании Совета сообщил, что он получил заключение Квалификационной комиссии от 01 марта 2023 года, ознакомился с ним, с выводами Комиссии согласен. Дополнительно сообщил, что действия адвоката К. повлекли за собой негативные последствия в виде дачи Г. «признательных» показаний. С участием адвоката К. процессуальный статус Г. изменился с подозреваемого на обвиняемого. При этом вина Г. подтверждается только его показаниями. По мнению заявителя, 24-х часовой срок должен исчисляться с момента составления протокола задержания, поскольку только в этот момент объективизируется уголовно-процессуальное задержание. Г. предоставили возможность позвонить своей матери только после оформления и подписания протокола задержания, при этом с момента фактического задержания до оформления протокола задержания Г. не обращался с просьбой предоставить ему возможность сделать телефонный звонок и уведомить о своем месте нахождения.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет признает, что Квалификационная комиссия правильно и полно установила фактические обстоятельства, но с её выводом о наличии в действиях адвоката К. дисциплинарного нарушения не может согласиться и полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство в полном объёме. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в 19.30 час. 16 мая 2022 года заместителем начальника СО ОМВД России по району Х. города Москвы подполковником юстиции С. в отношении Г. было возбуждено уголовное дело № ... по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ.

Вместе с тем, как достоверно установлено материалами, представленными в дисциплинарное производство заявителем, свобода Г. была ограничена сотрудниками полиции более чем за сутки до возбуждения уголовного дела – около 13.20 час. 15 мая 2022 года, что прямо указано в

постановлении о возбуждении уголовного дела. При этом протокол его задержания в порядке, предусмотренном ст. 91–92 УПК РФ, был составлен лишь в 22 час.15 мин. 16 мая 2022 года. Таким образом, с момента ограничения свободы Г. сотрудниками полиции до момента возбуждения в отношении него уголовного дела прошло более 30 часов, а до момента составления протокола задержания – около 33 часов.

16 мая 2022 года в 18.36 час. следователем СО ОМВД России по району Х. города Москвы Ф. для назначения по уголовному делу № ... защитника гражданину Г. в АИС АПМ была размещена заявка № ... с указанием необходимости участия защитника в следственных и иных процессуальных действиях 16 мая 2022 года в 22.00 час. По данной заявке в 18.57 час. защитником Г. был назначен адвокат К.

16 мая 2022 года адвокат К. прибыл в СО ОМВД России по району Х. города Москвы, где в подтверждение своих полномочий защитника Г. по назначению следователя предъявил удостоверение и ордер от 16 мая 2022 года № ....

16 мая 2022 года в 22.15 час. адвокат К. принял участие в составлении протокола задержания Г. в порядке, предусмотренном ст. 91–92 УПК РФ, с 22.30 час. до 23.15 час. – в допросе Г. в качестве подозреваемого, в 23.40 час. – в предъявлении Г. обвинения, а с 23.50 час. 16 мая 2022 года по 00.20 час. 17 мая 2022 года – в допросе Г. в качестве обвиняемого.

17 мая 2022 года родственниками Г. для защиты последнего было заключено соглашение с адвокатом МГКА «Ф.» Ки., в связи с чем последнему был выдан ордер от 17 мая 2022 года № ..., который, по словам адвоката Ки., вечером 17 мая 2022 года был представлен следователю СО ОМВД России по району Х. города Москвы.

Правильно установив указанные выше фактические обстоятельства, Комиссия посчитала, что «применительно к данному случаю, в рамках надлежащей реализации адвокатом-защитником ... требований органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции, по выполнению обязанности адвоката-защитника по выяснению точного времени фактического задержания, заключения под стражу подозреваемого, в целях неприятия участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для явки приглашенного защитника, Комиссия считает, что моментом фактического задержания, а, следовательно, началом течения предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для реализации Г. права на свободный выбор защитника, должен считаться момент возбуждения уголовного дела № ..., а именно 19.30 час. 16 мая 2022 года, а не момент фактического ограничения свободы Г., так как до этого времени Г. не мог быть задержан в порядке, установленном УПК РФ, а содержался в ОМВД России по району Х. города Москвы на неустановленных Квалификационной комиссии основаниях. Кроме того, Г., ограничение свободы которого к моменту возбуждения уголовного дела продолжалось более чем 30 часов, не имел возможности реализовать свое право, предусмотренное ч. 1 ст. 96 УПК РФ, на один

телефонный звонок на русском языке в присутствии следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании».

Совет не может согласиться с данным выводом Комиссии по следующим основаниям.

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Часть 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката предписывает адвокату следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав последнего ходатайствовать об их устранении.

В соответствии с ч. 4 ст. 50 УПК РФ, если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. При отказе подозреваемого, обвиняемого от назначенного защитника следственные действия с участием подозреваемого, обвиняемого могут быть произведены без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2–7 части первой статьи 51 УПК РФ.

При этом, как следует из пп. 15 ст. 5 УПК РФ, под моментом фактического задержания понимается момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в Разъяснениях от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» указал, что «24-часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу является особым – как в силу своей сжатости, так и более жестких правил назначения защитника (без предложения пригласить другого защитника взамен неявившегося). Ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания, полностью исключает злоупотребление правом с его стороны. <...> На основании изложенного, Совет разъясняет: адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу, и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине, не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ, 24-часового срока для явки приглашенного защитника. Кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение

невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок. Невыполнение данного разъяснения будет расцениваться как нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2015. № 3 (129). С. 39-42).

Как указано выше, свобода Г. была ограничена сотрудниками правоохранительных органов около 13.20 час. 15 мая 2022 года.

Определяя 24-х часовой срок, в течение которого задержанный имеет право на приглашение защитника, законодатель исходил из необходимости предоставления юридической помощи в период, максимально приближенный к началу ограничения конституционного права на неприкосновенность личности и свободы передвижения. Именно поэтому течение всех основополагающих уголовно-процессуальных сроков применительно к процедуре задержания начинается с момента фактического задержания, то есть с момента фактического лишения свободы передвижения. Исключения составляют лишь сроки составления протокола задержания и уведомления о задержании, которые исчисляются с момента доставления задержанного в орган дознания или к следователю (ч. 1, 3 ст. 92, ч. 1 ст. 96 УПК РФ).

Приведенные выше Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы основываются на указанных нормативных требованиях и уточняют понимание адвокатами значимости процессуальных сроков для защиты прав и законных интересов задержанных по подозрению в совершении преступлений.

Поскольку Квалификационной комиссией правильно установлено, что свобода передвижения Г. была ограничена в 13.20 час. 15 мая 2022 года, то 24-х часовой срок для приглашения защитника истекал в 13.20 час. 16 мая 2022 года. Адвокат К. принял участие в процедуре составления протокола задержания Г. в 22.15 час. 16 мая 2022 года, то есть значительно позднее истечения 24-х часов с момента фактического задержания. Это обстоятельство было для адвоката очевидным, поскольку он его выяснял, при этом время фактического задержания было указано в процессуальных документах и подтверждалось Г.

Что же касается того обстоятельства, что Г. содержался в ОМВД России по району Х. города Москвы более 30 часов без какого-либо процессуального оформления, то оно свидетельствует о неисполнении уголовно-процессуальных предписаний уполномоченными должностными лицами, которое может стать самостоятельным предметом рассмотрения в различных процедурах (в порядке ст. 124, 125 УПК РФ, в дисциплинарном порядке и др.). Между тем, нарушение требований УПК РФ должностными лицами не должно влечь за собой снижение установленных законом

процессуальных гарантий, исполнение которых возложено на профессиональных участников уголовного судопроизводства – адвокатов.

Восстановление прав подозреваемого, нарушенных при задержании, должно осуществляться путем признания незаконными соответствующих действий (бездействия) и решений должностных лиц и устранения допущенных нарушений, а не путем следования за процессуальными нарушениями при исчислении процессуальных сроков, в том числе – времени фактического задержания.

Дополнительно Совет отмечает, что Г. с момента фактического задержания до составления протокола задержания не обращался с просьбой предоставить ему возможность сделать телефонный звонок и уведомить о своем месте нахождения близких лиц, а при последующем разговоре с ними, состоявшемся в присутствии адвоката К. и после истечения 24 часов с момента фактического задержания, ему было сообщено об отсутствии защитника по соглашению.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката и толковании законодательства, приходит к выводу об отсутствии дисциплинарного нарушения в описанных выше действиях адвоката К., поскольку он действовал в соответствии с требованиями законодательства и разъяснением Совета.

Переходя к дисциплинарному обвинению в том, что адвокат К. после вступления в уголовное дело в качестве защитника Г. по назначению следователя не проверил дату и время задержания Г. и не обсудил с последним позицию по уголовному делу, Совет отмечает, что данные обвинения какими-либо доказательствами, опровергающими презумпцию добросовестности адвоката К., не подтверждены.

Как указано выше, дата и время задержания Г. в порядке, предусмотренном ст. 91–92 УПК РФ, указаны в постановлении о возбуждении уголовного дела и в протоколе задержания, составленном следователем 16 мая 2022 года в 22.15 час., и Г. не оспаривались, в том числе и в конфиденциальной беседе с адвокатом К. Последний был участником процессуального задержания и ознакомился с указанными процессуальными документами, какого-либо дополнительного выяснения этих обстоятельств не требовалось.

В части обвинения в отказе адвоката К. от обсуждения с Г. позиции по уголовному делу Совет отмечает, что адвокат К. опровергает данное обвинение, указывая, что до начала выполнения с его участием следственных и иных процессуальных действий с Г. он проводил с последним конфиденциальную беседу. Эта позиция адвоката К. заявителем не опровергнута, тогда как, исходя из публично-правового характера дисциплинарного производства и презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения позиции адвоката К. возложена именно на заявителя.

Дисциплинарное обвинение в формальном отношении адвоката К. к исполнению своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г., выразившихся в том, что показания Г., изложенные в протоколах допросов последнего в качестве подозреваемого от 16 мая 2022 года и в качестве обвиняемого от 16–17 мая 2022 года и полученные с участием адвоката К., являются идентичными, сформированными из одного текстового файла, отсутствовало в жалобе адвоката Ки. от 24 января 2023 года в Адвокатскую палату города Москвы, явившейся поводом для возбуждения настоящего дисциплинарного производства, и было выдвинуто им лишь в заседании Квалификационной комиссии. Однако разбирательство в Комиссии осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении, изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается (п. 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката). По этой причине Квалификационная комиссия обоснованно оставила это дисциплинарное обвинение без оценки.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по жалобе адвоката Ки. от 24 января 2023 года (вх. № ... от 24.01.2023), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката и надлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков